

альной (в своем а-историческом применении) проработки. Этому есть объяснение. Лучшие годы Бадью, не считая 68-го, пришлись на десятилетия поражения и упадка. Следы этих разочарований и усталости очевидны в его книгах. Так, работу «Можно ли мыслить политику?», написанную в 1984 году, в низшей точке спада, он начинает утверждением, что все основополагающие политические категории – рабочее движение и интересы собственников, национализм и интернационализм, капитализм и социализм и т.д. – «мало-помалу перестали работать» (с. 9).

И все же даже «деструкция» марксизма для Бадью – средство «предохранения его от вырождения» (с. 19), а не похороны. При этом Ален Бадью никогда не отказывался от попыток соединить свое академическое философствование и свою политическую практику, что было делом совсем не частым в те десятилетия власти разочарованных (он является создателем и участником «Политической организации», группы прямого низового коллективного политического действия, нацеленной на практическую борьбу за права иммигрантов, рабочих, бездомных и т.п.).

Итак, главный смысл этой книги мне видится в продумывании таких тем, как истина, практикование истины, то есть политика освобождения и справедливости. Все остальные темы книги вытекают из них. Перечислю кратко некоторые из ее других проблематизаций. К ним относятся: критика присущего и консерватизму и либерализму представления о греховности природы человека (с. 114–115); отстаивание той точки зрения, что поражения революций не накладывают запрета на их будущие победы, что «теория тоталитаризма» не может дать объяснение имевшим место поражениям (с. 154–155); указание, что подлинной человеческой способностью является не *интерес*, а мысль «как то, благодаря чему истина охватывает и пронизывает человеческое существо»: подлинная политика основана на эгалитарном принципе способности различения истинного, или благого, – «всех слов, которые философия воспринимает под знаком истины, на какую способен коллектив» (с. 180–181). Наконец, это традиционная марксистская тема критики государства как неспособного осуществить идею справедливости, поскольку для государства справедливость – это *гармонизация игры интересов*: «Но ведь справедливость, т.е. теоретическое имя аксиомы равенства, с необходимостью отсылает к полностью бескорыстной, незаинтересованной, субъективности» (с. 183).

И все-таки это только начало нашего понимания Бадью. Нам неизвестен его главный труд. Мы совсем плохо представляем себе круг тех авторов, которые являются для него референтными; хуже всего нам известен западный, да и мировой в целом, послевоенный марксизм. Наконец, должны измениться мы сами, чтобы понять его. Потому что в стране, где большинство интеллектуалов относятся даже к экономической борьбе трудящихся в лучшем случае с недоумением, а то и как к «восстанию

быдла», стремление Бадью *мыслить* забастовку рабочих-иммигрантов на заводе Тальбот – возьмем только один пример – не может быть понято адекватно. Но если книги марксиста Бадью переводятся, читаются и рецензируются в журналах, значит, с нашими интеллектуалами что-то происходит в этом направлении? Или нет?

Федор Блюхер

Вклад тов. Альтюссера в развитие философии марксизма

Издательством «Ad Marginem» выпущен небольшой сборник работ Луи Альтюссера «Ленин и философия», в котором две работы из трех посвящены философским исследованиям В.И. Ленина: одна – «Материализму и эмпириокритицизму», другая, приуроченная к Гегелевскому конгрессу в Париже, – «Философским тетрадам». Эти тексты, написанные без малого сорок лет назад между студенческими волнениями в Париже и вводом советских войск в Чехословакию, являются как бы философским памятником западному интеллектуальному марксизму. Поэтому рецензия посвящена не только текстам самого Альтюссера, но и герою его произведений – В.И. Ленину как философу.

Мы сразу сталкиваемся с парадоксом. Гениальный политический деятель В.И. Ленин и поверхностно начитанный мыслитель В.И. Ульянов никогда не был философом и, собственно говоря, никогда себя философом не считал. Более того, на начальных этапах своего творчества к философии относился довольно презрительно. Повторяя слова Дицгена, что философия – «*неверный путь неверный путей (den Holzweg der Holzwege)*», он считал, что ее изучение необходимо исключительно для того, чтобы не допускать уже однажды сделанных человечеством ошибок: «Я не просто не разделяю их *философию*, я и не философствую так, как они. Философствовать, как они, – значит попусту растрачивать сокровища разума и пронизательность, бесконечно пережевывая философскую *жвачку*. <... > я воспринимаю ее [философию] как *практику* в соответствии с идеями Маркса...»¹ Для того чтобы понять, как именно философствовал В.И. Ленин, нужно принять одно допущение: признать, что человек – прежде всего «существо полити-

¹ Цит. по: *Альтюссер Л. Ленин и философия*. Пер. с фр. Н. Кулиш. Послел. В. Софронова. М.: Ad Marginem, 2005, с. 19, 20–21.

ческое». Следовательно, проблемы, с которыми человек сталкивается в реальной жизни, могут найти какое-то удовлетворительное решение, лишь будучи осмысленными в политической плоскости. Что уж тут говорить о философии? «...Философия прежде должна признать: она – не что иное, как своего рода замещение политики, своего рода продолжение политики, своего рода пережевывание политики»². А собственно, что мы еще можем ожидать от человека, посвятившего свою жизнь политической борьбе? Наверное, врач оценивает действительность как результат неправильного образа жизни (кто бы нам при этом сказал какая жизнь правильная?), психотерапевт – как результат перенесенной травмы, художник – в тех или иных эстетических категориях. То есть, в соответствии с философией марксизма, мы должны допустить, что наша оценка действительности есть отчужденный результат опредмечивания нами самих себя как продуктов становления своей социальной природы. Интересно, а как должен оценивать действительность профессиональный философ?

Предположим, что эта действительность представлена в рецензируемом тексте, который начинается с рассмотрения истории философии марксизма. Альтюссер обращает наше внимание, что с написания «Немецкой идеологии» до «Анти-Дюринга» с философией марксизма ничего не происходит, то есть в течение более 30 лет она просто отсутствует. Сразу возникает вопрос: «А что, собственно, Альтюссер ожидал обнаружить?» Ответ принципиален. Тезисы о Фейербахе Маркса не породили «никакой новой философии <...> никакого нового философского дискурса...»³. Вместо философии, которая чуть ниже, приравниваясь к морали и религии, объявляется всего лишь «идеологией», Маркс, в представлении Альтюссера, занялся созданием новой исторической науки – историческим материализмом. А как же философия? Она, по мысли Альтюссера, появляется позже, значительно позже, только там, где «есть то, что называется наукой или во множественном числе науками». Причем наукой в строго теоретическом смысле слова, наукой, основанной на системе доказательств.

Связь между философией и наукой заключается, по мысли автора, в том, что «новые философские категории вырабатываются в мастерской новой науки». А «то, что обычно называют философией, становится теоретической лабораторией, где оттачиваются новые категории, востребованные идеями новой науки»⁴. Отсюда очевидный вывод: «Материализм и эмпириокритицизм» написан слишком рано, поэтому он и не

² Там же, с. 23.

³ Там же, с. 28.

мог стать философским изложением марксизма. Ленин – гениальный политический деятель, «слишком рано» родившийся для философии⁵.

Казалось бы, все очевидно – ан, нет! В силу того, что Альтюссер – марксист, хотя и западный, нас ожидает феерическая диалектика, в результате которой окажется, что на самом деле это мы отстали от В.И.Ленина.

Анализируя текст «Материализма и эмпириокритицизма», Альтюссер находит в нем пару принципиальных философских предположений. Первое – очевидное различие между философией и наукой, второе – принципиальное различие между философскими категориями и научными понятиями, которое сводится к тому, что научные понятия отражают знания о предмете, а философские категории не связаны с каким-либо предметом изучения, поэтому смысл их неизменен и они лишь выполняют роль меток, указывая общее направление исследования. А если дело обстоит именно таким образом, остается предположить, «а вдруг сфера философской проблематики, категориальные формулировки, изъяснение философского тезиса относительно независимы от позиции того или иного философа? А вдруг в том, что, как нам кажется, составляет самую суть философии, на деле не происходит ничего серьезного?»⁶ Это второй узловым пунктом философии Альтюссера; первый был там, где речь шла о философском дискурсе.

Из всего вышесказанного с необходимостью вытекает один принципиальный вывод о сущности философии. У философии нет истории как таковой. Есть лишь борьба материализма и идеализма, которая по сути своей является *бесцельной игрой*: «...философия – такое странное теоретическое построение, в котором ничего не происходит, только само это «ничего» повторяется снова и снова. Сказать, что в философии ничего не происходит – все равно, что сказать: философия *идет в никуда*, а значит, *не может привести куда-либо*; и, как говорил Дицген еще до Хайдеггера, пути, которые она перед нами открывает, суть пути, которые ведут в никуда, *Holzwege*»⁷. А раз так и перед нами сфера чистой субъективности, то остается сделать последний вывод: «...у философии, по сути, нет своего объекта в том смысле, в каком он имеется у каждой отдельной науки»⁸. Но раз философия существует, значит, в ней что-то должно происходить? В ней происходит ничего

⁴ Там же, с. 37.

⁵ Там же, с. 43.

⁶ Там же, с. 51.

⁷ Там же, с. 57.

⁸ Там же, с. 59.

не значащая инверсия оценок по шкале «материя – дух», целью которой является борьба за господство над умами, то есть идеологическая борьба. Результатом такой инверсии становится замена предыдущих иерархий обратными иерархиями. Ставкой в этой борьбе категориальных иерархий выступает власть, а целью философской борьбы – возможность пользоваться властью. Остается понять: зачем философу нужна власть? Ответ прост – чтобы вмешиваться в сферу теории: «Это вмешательство имеет двойственную форму: теоретически оно выражается в формулировании законченных категорий; практически – в функции этих категорий. Их функция в том, чтобы провести через область теории «демаркационную линию», которая будет отделять идеи, объявленные истинными, от идей, объявленных ложными, отделять науку от идеологии»⁹.

Подобная формулировка спустя сорок лет невольно вызывает дрожь. Все мы «помним» об идеологических вмешательствах советской власти в науку, начиная генетикой и кончая «делом врачей». Но давайте уйдем взрыв благородного негодования и попытаемся увидеть за сказанным довольно прозрачный смысл. Существовали, существуют и будут существовать две области духовной жизни человека – наука и идеология. И, покуда они существуют – существует и их влияние друг на друга, и закрывать на это глаза, пытаясь заменить идеологию наукой или науку идеологией, просто глупо.

Итак, у нас в наличии «три сосны»: «наука», «идеология» и «философия», и нам нужно в них не заблудиться. Посмотрим, как эту проблему решает Альтюссер: «...всякая философия стремится провести демаркационную линию, чтобы защищаться от идеологических понятий иных философий, представляющих противоположное направление; а высшая цель, которой она при этом хочет достичь, то есть высшая цель философской практики, – это научная практика, научность»¹⁰. Это означает, что наука при помощи философии отмежевывается от идеологии. Но зачем? И как можно при помощи «ничто» или того, что не имеет объекта, то есть чистой интенции власти, отгородиться от какой-либо идеи, претендующей на власть? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, что же автор имеет в виду, когда использует понятие «идеология». «...Значение этого «ничто» отнюдь не ничтожно, ведь в этой игре решается судьба научной практики, науки как таковой, а также ее антипода, идеологии»¹¹. Тем самым, мы доходим до одного из тезисов раннего Маркса, ставшего основным постулатом западного марксизма. Понятия науки и идеоло-

⁹ Там же, с. 66–67.

¹⁰ Там же, с.67–68.

гии в этом дискурсе носят характер антонимов. Какая же между этими областями может быть связь? В том-то и дело, что никакой связи быть не может: «Ибо вмешательство каждой философии, которое изменяет расстановку или форму существующих философских категорий, а следовательно, производит соответствующие изменения в философских дискурсах, через которые и реализует себя история философии, – это вмешательство и есть то самое философское «ничто», чье необходимое присутствие мы успели отметить, ведь демаркационная линия, по сути, и есть ничто, даже не линия, не отчетливая граница, а простой факт размежевания, *пустота выдержанного интервала*»¹². Альтюссер решает задачу поиска дороги «в трех соснах» довольно простым способом: он говорит, что существует лишь одна «сосна» – наука, а две оставшиеся, идеология и философия, – лишь ее отражения, одно – у нас в голове, другое – в нашем языке.

Для того чтобы самим найти хоть какую-то дорогу, начнем с философии. Философия – рациональная духовная деятельность человека, *направленная на поиск смыслов его существования*. Именно это последнее отличает наше представление о философии от представления Альтюссера. Для него философия – прежде всего дискурс, вне всякого сомнения рациональный, вне всякого сомнения диалектический. Последнее особенно приятно. Редко увидишь в современной философской литературе конструкцию типа: «Философия – представитель политики в области теории, точнее, ее представитель при науке, и наоборот: философия – представитель науки в политике, при классах, вовлеченных в классовую борьбу. <...> Никакая философия не может <...> уклониться от этого двойного представительства – короче, философия являет собой некую третью инстанцию, занимает место между двумя высокими инстанциями, которые определяют и ее сущность как инстанции: между классовой борьбой и наукой»¹³. Все это верно. Конструкция двойного представительства и выражение сущности изучаемого предмета через представление содержания одного в форме другого – единственно возможный ход определения предельных философских категорий и понятий, к которым относятся не только «материя» и «дух», но и «наука», «философия», «идеология». «Идеальность» сама по себе только и существует в постоянной смене двух форм своего «внешнего воплощения», не совпадая ни с одной из них, взятой порознь. Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи, и обратно – формы вещи – в форму деятельности (общест-

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 68–69.

¹³ Альтюссер Л. Цит. соч., с. 73–74.

венного человека, разумеется)»¹⁴. В рассуждениях Альтюссера отсутствует только один, но очень важный элемент. Анализ понятия не доводится до выявления его содержания, то есть до формы деятельности; все остается на уровне анализа форм вещи, то есть уже существующей «науки», «философии», «идеологии». Чтобы дать определение философии, важно не только отличить ее от науки или идеологии, но и, самое главное, нужно показать, в чем заключается необходимость такой связи науки с идеологией, при которой им обеим необходима философия в качестве посредника. Для этого нужно вскрыть механизм данного двойного представительства, а не только констатировать его наличие.

Для того чтобы продолжить свое исследование, нам придется реабилитировать понятие «идеология». Идеология – реально существующее явление духовной жизни современного человека. Общение между людьми происходит не столько в форме передачи конкретных научных знаний, сколько в символической форме передачи узнаваемого образца, поэтому социологию знания в данном случае необходимо заменить «социологией значения, поскольку социально детерминирована не природа идей, а средства их выражения»¹⁵. Идеология существует наряду с наукой, но, обращаясь к ее изучению, мы видим, что это – «процесс социальный, протекающий не в голове, а в том коллективном мире, где люди говорят, дают вещам имена, делают утверждения и в какой-то степени друг друга понимают»¹⁶. А раз так, то и анализировать при ее изучении нужно не столько процесс идеализации, происходящий при познании мира, сколько процесс идеологизации наших знаний, позволяющий людям создавать необходимые им в реальной жизни ориентиры. В этом плане любая идеология должна рассматриваться как культурная схема – «программа», снабжающая нас «шаблонами и чертежами для организации социальных и психических процессов»¹⁷. То есть «идеология» – это социально ориентированные представления об устройстве мира и человеческой жизни, являющиеся условием продуктивного сосуществования человеческих существ.

Задача же ученого – открывать новые, объективные знания о мире. Знания, истинные сами по себе и, что греха таить, часто не имеющие никакого отношения к нашему непосредственному существованию. И в силу этого, как это кому-то ни покажется странным, лишённые сами

¹⁴ Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: «Политиздат», 1991, с. 269.

¹⁵ Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение, 1998, № 29, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 23.

по себе какого-либо смысла. Ведь согласитесь, нет смысла в познании ради познания.

Условно мы можем разделить весь имеющийся у человека багаж знаний на научный и идеологический. При этом в качестве критерия деления мы возьмем не «истину – ложь», а «знание о мире самом по себе – знание, необходимое для моей деятельности как члена определенного человеческого сообщества». Ясно, что в таком случае в сообществе ученых есть своя идеология, которой они руководствуются в их непосредственной деятельности как ученые-профессионалы. Ясно, что и конкретная идеология – не обязательно набор заблуждений; вполне возможно, что какие-то знания, содержащиеся в ней, соответствуют высокому статусу истинно научного знания. У обоих типов знания скорее разная функциональная направленность, которая, тем не менее, формирует совершенно разные критерии оценивания статуса истинности. Это различие в оценивании статуса истинности в свое время и побудило Маркса объявить идеологию превращенным сознанием, принципиально отличным от научного знания.

Итак, любой идеологии необходима для успешного функционирования определенная картина мира. В идеологии условно можно выделить картину мира, которая имеет статус знания, и этос (эстетические и этические оценки, ценности), существующий в любой культуре. Этос того или иного народа – это тип, характер и стиль его жизни, отличительные особенности его этики и эстетики, это то, что лежит в основании отношения данного народа к самому себе и к своему миру, в котором эта жизнь отражается. Картина мира данного народа – это его представление о формах, в которых существует объективная реальность, его понимание природы, человека, общества. При этом картина мира и этос, хотя и противостоят друг другу, одновременно друг друга поддерживают; этос группы становится приемлемым с точки зрения разума, если его представляют как олицетворение образа жизни, идеально соответствующего реальному положению дел, описанному в картине мира, в то время как картина мира оказывается убедительной с точки зрения чувств, если ее представляют как образец реального положения дел, детально разработанный так, чтобы соответствовать такому образу жизни¹⁸. Ясно, что знания для данной картины мира идеология хотела бы получать объективные и истинные, то есть научные. С другой стороны, как мы писали выше, наука – область чистого познания, не имеющая внутри себя других ориентиров, кроме единственности истины. Обе области духовного производства остро нуждаются друг в друге, так как смысл

¹⁸ См.: Гирц К. Интерпретация культур. М.: «РОССПЭН», 2004, с. 149–150.

своего существования они получают не из самих себя, а исключительно друг от друга, во взаимном использовании результатов деятельности своего «антагониста». Идеология дает науке смысл ее существования как необходимого вида человеческой деятельности. Наука дает идеологии статус истинности, столь необходимый ей для успешного функционирования. И был бы им полней Бенхам, если бы не одно «но». Они отвечают на принципиально разные вопросы, имея различные представления об истинности и не имея четко выраженного представления о своем смысле. Обе высокие инстанции человеческого Духа нуждаются в переводчике, посреднике, служанке – то есть в философии. Мы не согласны с Альтюссером в том, что философия не имеет своей истории. Ее история – это поиск языка, на котором можно было бы говорить о смысле, в том числе о смысле науки и идеологии. А что еще, как не поиск языка, все эти неперебиваемые философские конструкции: эйдос, энтелехия, вещь-в-себе, Ichheit, Entfremdung, Dasein?

Эпоха ставит перед философией задачу найти Язык, на котором можно было бы выразить смысл человеческого существования. История поисков такого Языка и есть предмет философии. Некоторым из мыслителей эту задачу решить удается, например В. И. Ленину. Он сумел найти уже готовый Язык Маркса и заговорить на нем так, что его услышала «прогрессивная половина человечества». Сила В. И. Ленина как философа периода «Материализма и эмпириокритицизма» как раз и заключалась в том, что он отстаивал достаточность данного языка перед людьми, которые считали, что данный язык устарел, которые хотели дополнить данный язык, разнообразить его, привести в соответствие с новейшими достижениями в естествознании. Аргументация В. И. Ленина была предельно простой, часто лапидарной и сводилась к простому вопросу, не является ли программа «улучшения» данного Языка его заменой на Язык совершенно другой. «Ревизия “формы” материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего “ревизионистского” в установленном смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом. Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их чисто ревизионистский прием – изменить сути материализма под видом критики формы его...»¹⁹

Итак, Язык. А разве Альтюссер говорит не о том же самом? Вспомним еще раз: новый философский дискурс, лаборатория, где «оттачиваются новые категории», «философское «ничто»», заключающееся в изменении дискурсов, и, наконец, решающее – «пустота *выдержанного интервала*». «Этот интервал оставляет свой след в специфических осо-

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, М.: «Политиздат», 1973, с. 265–266.

бенностях философского дискурса, в его видоизмененных категориях и в его структуре, но все эти изменения сами по себе ничего не значат, поскольку их действие проявляется только вне их самих и выражается в наличии или отсутствии интервала, который отделяет противоборствующие направления от предмета их спора – научной практики. Если в этой работе по созданию «пустоты» в качестве демаркационной линии и есть нечто философское, то оно заключается лишь в передвижении [лексика перевода сохранена. – Ф.Б.] этой линии; но такое передвижение связано с историей научной практики и вообще науки»²⁰. Все было бы так, не напиши мы раньше, что идеология не является ложным сознанием, что она реально существует, что свой смысл наука получает через решение задач, поставленных перед ней идеологией. Соответственно и язык, дискурс, создаваемый философией для науки, не должен быть дискурсом чистой власти (продолжением политических «разборок» между коммунистами и демократами в коридорах Академии наук), а должен находить какие-то рациональные основания в идеологии. Таким образом, мы приходим к следующему диалектическому утверждению: «Чтобы понять, какой язык должна вырабатывать философия для науки, нам необходимо проанализировать содержание со-временной науке идеологии».

Идеология – это такое превращенное, «ложное» сознание, которое, несмотря на недоказуемость своих оснований, обречено «быть». Прежде всего в силу того, что человек не может не быть, то есть существовать, а раз так, то тем событиям, которые с ним происходят, он вынужден давать объяснения, не обязательно истинные, главное – своевременные и понятные не только себе, но и окружающим. В силу этого оценивание идеологии по шкале «истинности – ложности» скорее всего не является продуктивным; с точки зрения науки идеология всегда неистинна, но это не мешает ей быть эффективной. Вот об этой «эффективности» или «продуктивности» идеологии и предстоит вести разговор. В быденном языке оба эти слова используются как синонимы, поэтому вводимая нами дефиниция условна. Идеология является эффективной (в смысле эффекта, результата), если даваемые при ее помощи объяснения позволяют людям, ведущим совместную деятельность, продолжать эту деятельность по меньшей мере с той же продуктивностью. При этом мы сознательно отказываемся от сравнительного анализа результатов этой деятельности. Не в силу злого умысла, а в силу невозможности построить измерительные приборы, позволяющие получать объективные результаты при процедуре сравнения. Ну как прикажете сравнивать результаты одной и той

²⁰ Альтюссер Л. Цит. соч., с. 69.

же деятельности, только совершенной в разное время: раньше – в эпоху ученичества, и позже – в эпоху зрелости? Да и могли бы мы получить продуктивность зрелости, не имея при этом сначала совершенно другую продуктивность – эпохи ученичества? Однако, невозможность получения объективной оценки не избавляет идеологию от необходимости давать оценку «своевременную», иначе идеология не будет признаваться эффективной.

Чтобы совсем не попадать впросак в моменты проверок своей эффективности, идеология обращается за помощью к философам как к людям, умеющим болтать и каким-то образом тоже ученым (в обыденном значении этого слова), чтобы они быстренько придумали для идеологов какую-нибудь метафору, позволяющую избежать проверки на продуктивность. Именно так все обычно и происходит, при этом совершенно открытым остается вопрос, а как же это должно происходить. А истина заключается в том, что оценку того, что Должно быть и ради чего стоит жить, люди и общество, которое они составляют, должны выработать только сами для себя. И без согласования между членами общества таких ценностей никакие критерии продуктивности построить невозможно. Другое дело, что дискуссии по этим темам чаще всего кончаются гражданской войной. Ну что же, как говаривал один из апостолов современности, «есть вещи поважнее, чем мир». В конце концов, людям важно не просто жить, но и быть уверенными, что они живут правильно, поэтому целью идеологии является ответ на вопрос «зачем?». За критерий «истины» в современном мире отвечает наука, но сама наука не может даже поставить вопрос «зачем?». Она лишь отвечает на вопрос «что?» и «как?» и существует объективно, то есть независимо от идеологических пристрастий человека.

Без ответа на оба эти вопроса никакая рациональная деятельность, по большому счету, вообще невозможна. Люди, знающие «как», но не понимающие «зачем», называются технократами. Они могут действовать эффективно, но создать критерий продуктивности не могут. Если план нашей деятельности не целесообразен, то есть не содержит в себе понятных нам ответов на вопрос «зачем?», то нам остается только проглатывать державное «могу – значит должен». Люди, задающие постоянно вопрос «а зачем?», являются лентяями или неумехами, скрывающими свою лень за демагогией. Особо умные из них научаются делать при этом глубокомысленный вид, и простаки считают их идеологами. Философы – это те, кто умеет соединять «зачем?» и «как?». «...Для беседы нашей можно найти сходные причины – голос, воздух, слух и тысячи иных того же рода, пренебрегши истинными причинами – тем, что, раз уж афиняне почли за лучшее меня осудить, я в свою очередь счел за лучшее сидеть здесь, счел более справедливым остаться на месте и понести то на-

казание, какое они назначат»²¹. Общество, естественно через идеологов-модераторов, задает науке на своеобразном философском языке те критерии, по которым наука должна строить самооценку своей «эффективности-продуктивности», а так как сама наука этого сделать не может, то ей остается только надеяться, что либо шах умрет, либо ишак сдохнет раньше. Что же делать в данном случае философам, которых и ученые и идеологи стараются сделать крайними в этих извечных борьбе и единстве противоположностей?

Сократу было как бы нечего терять. Сам он был стареньким, да и жена – сущая Ксантиппа. Но случай сей не прошел незамеченным. Либо философам остается надеяться, что к власти в обществе придет некий Субъект, в ком удачным образом соединены черты ученого и идеолога, например В.И. Ленин. «...В строгом смысле слова, Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, он является глубоким мыслителем практики, страстным поборником перевода теории в практику; он является человеком, чей проницательный взгляд всегда направлен на те точки перегиба, где теория переходит в практику, практика в теорию»²². Либо объявлять, что никакого субъекта нет вообще, а фундаментальной научной ценностью является концепт «процесса без субъекта, каковой мы можем наглядно видеть в «Капитале»...»²³. И следовательно, то, что происходит и случается, то и должно происходить и случаться, и «все действительно разумно, а все разумное действительно». Лукавит Альтюссер. Пишет: «...никому за 150 лет не удалось понять Гегеля, потому что понять Гегеля может только тот, кто досконально изучил и до конца понял «Капитал»»²⁴ – и при этом прекрасно осознает, что сделать сие невозможно, ибо работа, «которой Маркс посвятит всю свою жизнь, вплоть до последних черновых страниц так и не законченного им «Капитала»»²⁵ не завершена во всех смыслах этого слова. Видимо, это и есть действительность западного философа-профессионала, хотя и марксиста.

²¹ Платон. Собр. соч. в 4-х тт., т. 2. М.: «Мысль», 1993, с. 57.

²² Лукач Г. История и классовое сознание. М.: «Логос-Альтера», 2003, с. 91.

²³ Альтюссер Л. Цит. соч., с. 150.

²⁴ Там же, с. 151.

²⁵ Там же, с. 29.